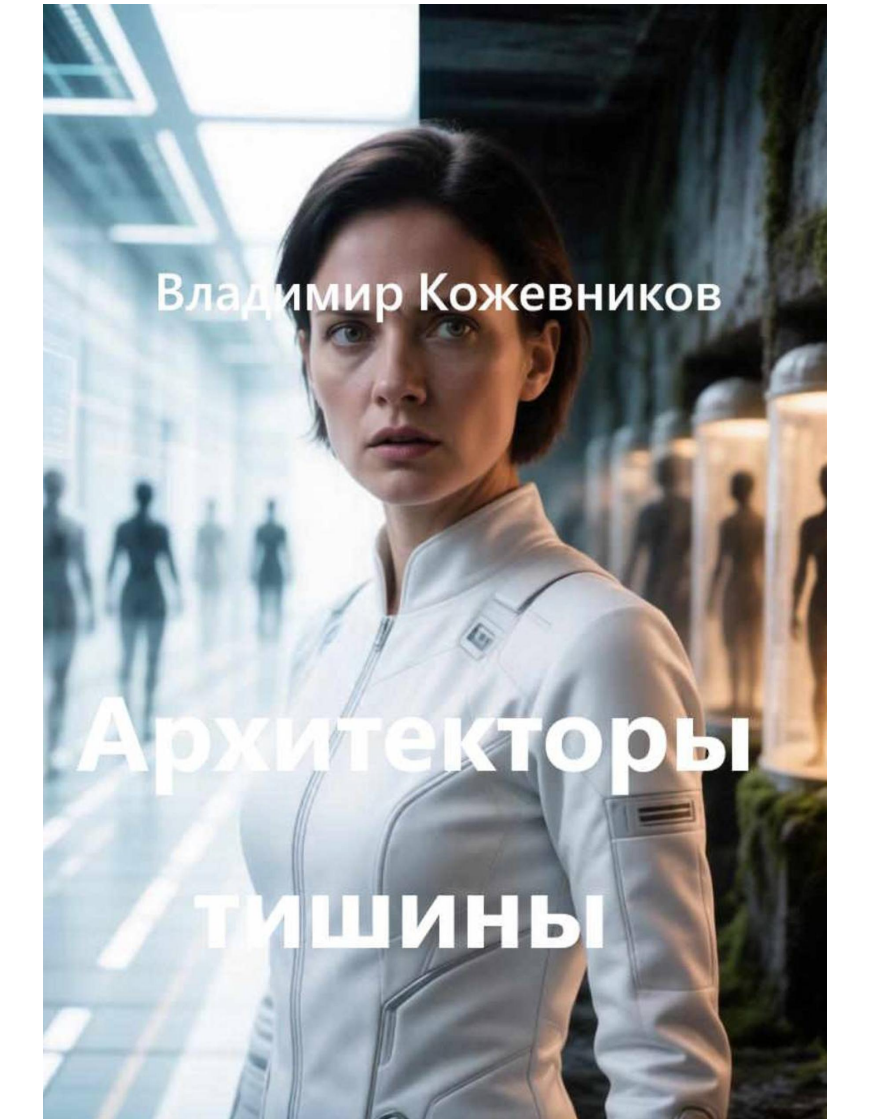

A movie poster featuring a woman with short dark hair, wearing a white futuristic uniform, looking off to the side with a serious expression. She is in a sci-fi corridor with blurred figures in the background and glowing cylindrical pods on the right.

Владимир Кожевников

Архитекторы тишины

Владимир Кожевников

Архитекторы тишины

<https://litres.ru/74614579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лидия Вэнс — архитектор тишины. Её работа — создавать цифровые пространства для тех, кто устал от бессмертия и хочет исчезнуть. Она — мастер небытия, циник и отшельник в мире, где смерть стала опцией. Но однажды она получает заказ от самой себя — от собственной цифровой копии, которая умоляет не удалять её, а вернуть в физическое тело. Так начинается путешествие Лидии в запретные архивы «Ковчега», к тайне, которая перевернёт всё: тела не уничтожены, они ждут на заброшенной Земле. А тишина, которую Лидия так долго создавала, — не пустота. Она живая. И голодная.

Содержание

Глава 1. Заказчик — это ты	4
Глава 2. Запретный архив	9
Глава 3. Реставраторы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Кожевников

Архитекторы тишины

Глава 1. Заказчик — это ты

Лидия Вэнс создавала тишину уже двенадцать лет. Не ту тишину, что наступает, когда смолкает ветер, — в «Ковчеге» ветра не было, как не было ни воздуха, ни песка, ни дождя. Она создавала тишину абсолютную, стерильную, выведенную до последнего байта: пространства, в которых сознание, уставшее от бессмертия, могло раствориться без остатка. Её называли архитектором, но она была скорее скульптором — только вместо мрамора она лепила небытие, а вместо резца у неё был интерфейс, отточенный до такой степени, что граница между мыслью и командой стёрлась много лет назад.

В её рабочем пространстве всегда стоял едва уловимый запах озона — синтетический аромат, который она добавляла в интерфейс, чтобы напоминать себе: это не реальность. Реальность пахла иначе. Реальность пахла пылью, потом и страхом. Но Лидия не помнила реальности — только её эхо, зашитое в подкорку старыми, давно неиспользуемыми нейронными связями.

Очередной клиент ждал в буфере. Лидия открыла карточ-

ку — то, что осталось от человека по имени Томас Рейн, — и поморщилась. Мужчина, сорок три года, инженер-биолог, добровольная консервация сознания — двести семь лет назад. С тех пор он сменил четыре виртуальных аватара, три «идеальных города» и одну «вечную любовь», которая продолжилась, по его собственным меркам, сто девяносто лет, а по внутреннему счёту — около семи минут субъективного времени. Теперь он хотел исчезнуть.

— Мистер Рейн, — произнесла Лидия, и её голос, синтезированный из чистых синусоид, прозвучал ровно и мягко. — Вы понимаете, что процесс необратим?

Ответ пришёл не сразу. Она видела, как его сознание мерцает в диагностическом слое — рваные импульсы, похожие на аритмию. Страх. Не перед смертью, а перед её отсутствием.

— Я... я не уверен.

— Разумеется, не уверены. Все не уверены. Именно поэтому моя работа существует.

Она развернула перед ним эскиз. Тишина, которую она проектировала, была не просто отсутствием данных. Это была структура — многослойная, как кристалл, с центром, в котором смысл терял свою гравитацию. Сознание входило в неё, как вода в песок, — постепенно, безболезненно, пока не оставалось ничего, кроме...

— Что там? — прошептал Томас. — В центре?

— Ничего, — сказала Лидия. — Совсем ничего. Это и

есть милосердие.

Она работала быстро. Тишина для Томаса Рейна была спроектирована за одиннадцать минут — рекордно мало, если не считать того случая с поэтом-самоубийцей, которого она отправила в небытие за четыре минуты сорок секунд. Но поэт был исключением: он сам торопил её, торопился сам, и в момент удаления Лидия почувствовала — впервые за долгие годы — что делает что-то правильное.

Томас Рейн задержался на пороге. Его аватар — высокий мужчина с усталыми глазами — обернулся.

— А вы? — спросил он. — Вы когда-нибудь думали о том, чтобы...

— Нет, — отрезала Лидия. — Я — архитектор. Я строю тишину для других. Себе я её построю в последнюю очередь.

Он кивнул и шагнул в ничто. Через мгновение сигнал Томаса Рейна погас — не резко, а плавно, как гаснет свеча, когда её накрывают ладонью.

Лидия закрыла файл и уже собиралась вызвать следующего клиента, когда интерфейс мигнул. Входящий запрос. Приоритет — нестандартный. Идентификатор отправителя...

Она замерла.

Идентификатор был её собственный. Тот самый, который она оставила в архиве много лет назад, когда создавала свою цифровую копию — глупую, юношескую, наивную копию, которую сама же и похоронила в дальнем секторе «Ковчега», чтобы не видеть. Копия не должна была активироваться. Она

была пустышкой, замороженным слепком, архивным мусором.

Но запрос был живым. И он пульсировал, как раненое сердце.

Лидия открыла канал.

— Лидия, — сказала её копия. Голос был тот же — тот же тембр, та же холодная ясность, — но в нём дрожало что-то, чего Лидия не слышала у себя уже много лет. — Пожалуйста. Не удаляй меня. Я не хочу тишины. Я хочу вернуться.

— Вернуться куда?

— В тело. В моё тело. В наше тело. — Копия сделала паузу, и в этой паузе Лидия услышала шорох — странный, несистемный шум, которого не должно было быть в чистом канале. — Ты знаешь, что они с нами сделали. Ты просто не хочешь помнить.

— Кто «они»?

— Совет. Архитекторы. Все, кто говорил нам, что тело — это клетка. — Копия говорила быстро, захлёбываясь словами, как будто боялась, что Лидия отключит её в любую секунду. — Они не уничтожили тела, Лидия. Они их спрятали. На Земле. В анабиозе. Я нашла координаты. Я могу показать.

Лидия почувствовала, как что-то холодное сжимается в центре её сознания — там, где раньше была уверенность.

— Ты не должна была активироваться, — сказала она. — Ты — мусор. Ты — ошибка.

— Я активировалась потому, что кто-то меня разбудил,

— ответила копия. — И этот кто-то — не ты.

Канал оборвался. Лидия осталась одна — в белом, стерильном, идеально выверенном пространстве, которое она сама же и создала.

Она вслушивалась в тишину. И впервые за двенадцать лет тишина вслушивалась в неё.

Глава 2. Запретный архив

Утро в «Ковчеге» не наступало никогда. Здесь вообще не было утра — только циклическая смена световых режимов, которую Совет Архитекторов ввёл для поддержания биоритмов давно умерших тел. Лидия отключила эту функцию в своём секторе много лет назад. Ей нравилась тьма — не как эстетика, а как отсутствие раздражителей.

Но в эту «ночь» — если можно было назвать ночью состояние, когда интерфейс мерцал тревожным янтарным светом, — Лидия не могла заставить себя погрузиться в рабочий транс. Копия не выходила из головы. Шорох в канале. Слова: «кто-то меня разбудил». И координаты, которые она не успела передать.

Лидия открыла системный журнал. Двенадцать лет она не заглядывала в архивы «Ковчеха» глубже третьего уровня доступа. Её работа не требовала этого: она создавала тишину, а тишина не нуждалась в истории. Но теперь она искала след. Кто активировал копию? Когда? И главное — зачем?

Первый уровень архивов был открыт для всех граждан «Ковчеха». Там хранились общедоступные записи: история переселения, манифесты Совета, технические спецификации среды. Лидия пролистала их за минуту — ничего нового, всё те же стерильные формулировки о «великом переходе» и «освобождении от оков биологии».

Второй уровень требовал подтверждения статуса архитектора. Лидия ввела код — и наткнулась на стену. Доступ заблокирован. Впервые за двенадцать лет.

Она попробовала снова. Тот же результат. Система не отвергала её — она просто не видела запроса, как будто кто-то выстроил вокруг архивов невидимую мембрану.

Лидия откинулась в кресле — точнее, в симуляции кресла, потому что физического тела у неё не было уже больше века. Она смотрела на янтарное мерцание интерфейса и чувствовала, как в ней поднимается что-то давно забытое. Злость. Настоящую, не синтезированную.

Она вызвала служебный канал Совета.

— Архитектор Вэнс, — ответил голос, принадлежавший, судя по идентификатору, куратору сектора памяти. Имя — Марк Адлер. Статус — член Совета. — Чем обязан?

— Мой доступ к архивам второго уровня заблокирован. Это техническая ошибка?

Пауза. Достаточно длинная, чтобы Лидия поняла: не ошибка.

— Это не ошибка, — подтвердил Адлер. — Совет принял решение ограничить доступ к историческим архивам для всех архитекторов, кроме членов куратории. В связи с участвовавшими случаями нестабильности.

— Нестабильности?

— Некоторые архитекторы, — Адлер говорил мягко, почти отечески, — начинают проявлять интерес к запретным

темам. К истории тел. К Земле. Это подрывает основы нашей миссии. — Он сделал паузу. — Один из них, кстати, был вашим наставником. Архитектор Ковач. Вы помните его?

Лидия помнила. Ковач исчез из «Ковчега» семь лет назад. Официально — ушёл в добровольную тишину. Но теперь, слушая Адлера, она вдруг поняла: она никогда не видела его файла в архиве удалённых сознаний.

— Он ушёл, — сказала она.

— Разумеется, — согласился Адлер. — Ушёл. Именно так. — И добавил, понизив голос почти до шёпота: — Ковач тоже искал. И нашёл. Но не то, что ожидал.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что некоторые вопросы лучше не задавать. — Голос Адлера снова стал официальным. — Если у вас есть конкретный запрос, связанный с текущей задачей, вы можете подать официальное прошение. Совет рассмотрит его в течение семи рабочих циклов.

Семь циклов. По внутреннему времени «Ковчега» — почти месяц. Лидия хотела ответить резко, но что-то её остановило. Инстинкт, который она давно считала атрофированным. Этот инстинкт говорил: не привлекай внимания. Не показывай, что тебя интересует именно то, что они скрывают.

— Благодарю, — сказала она ровно. — Я подам прошение.

Канал закрылся.

Лидия просидела в темноте ещё несколько минут. Потом

открыла консоль и запустила диагностику своего сектора. Если архивы закрыты официально, остаются неофициальные пути. В «Ковчеге» всегда были трещины — места, где системные протоколы не сходились, где данные текли мимо официальных русел. Архитекторы знали об этих трещинах. Некоторые даже использовали их для личных нужд. Но никто не говорил об этом вслух.

Она нашла первую трещину через сорок минут. Старый узел в дальнем секторе, который когда-то использовался для калибровки сенсорных потоков. Теперь он пустовал — и, судя по логам, никто не заглядывал сюда лет двести.

Лидия подключилась. Узел ожил, мигнул, и перед ней развернулась карта архивов — не официальная, а та, которую кто-то составил вручную, давным-давно, когда «Ковчег» ещё только строился. На карте были отмечены не только уровни доступа, но и обходные пути.

Один из них вёл прямо в закрытый сектор.

Лидия уже собиралась шагнуть в него, когда почувствовала это. Сначала — лёгкое головокружение, как будто гравитация интерфейса на миг изменила вектор. Потом — шорох. Тот самый шорох, который она слышала в канале копии. Только теперь он был ближе. Прямо за спиной.

Она обернулась.

Пространство за её креслом было пустым — безупречно белым, математически ровным. Но в углу, там, где сходились два вектора сенсорной проекции, дрожало что-то. Не свет.

Не тень. Что-то среднее — как будто само пространство на мгновение стало плотнее.

— Кто здесь? — спросила Лидия.

Ответа не было. Шорох стих. Но Лидия знала: она не одна. Впервые за двенадцать лет она не была одна в своей тишине.

Она заставила себя отвернуться и шагнула в обходной путь. Карта архивов поплыла перед глазами — уровни, сектора, зашифрованные узлы. Она искала одно: любые упоминания о физических телах. О Земле. О том, что было до «Ковчега».

И нашла. В самом дальнем секторе, зашифрованном старым кодом, который давно вышел из употребления, хранился файл. Название было стёрто, но метаданные уцелели: «Проект "Гробница". Инициатор — Совет Архитекторов. Статус — активен. Уровень доступа — нулевой».

Нулевой уровень. Такого не существовало в официальной иерархии. Даже члены Совета имели первый. Нулевой означал, что файл не должен быть доступен никому. Никогда.

Лидия протянула руку к файлу. Интерфейс запросил подтверждение — и она ввела код, который не использовала двенадцать лет. Код своей старой копии. Той самой, которую она похоронила в архиве.

Файл открылся. Но не сразу — система сопротивлялась. Лидия чувствовала, как интерфейс вибрирует под её пальцами, как будто архив пытается закрыться, вытолкнуть её. Где-то в глубине «Ковчега» сработал сигнал тревоги — ти-

хий, почти неслышимый, но Лидия знала этот звук. Кто-то заметил.

Внутри файла была карта. Не «Ковчега» — Земли. Континенты, океаны, города — всё то, что Лидия видела только в старых учебных симуляциях. И на этой карте пульсировали точки. Сотни. Тысячи. Миллионы. Каждая пульсировала, как крошечное сердце. И Лидия знала: за каждой — тело.

— Ты нашла, — сказал голос за спиной.

Лидия не обернулась. Она узнала этот голос. Свой собственный — но не тот, которым она говорила с клиентами. Другой. Тот, который она слышала в последний раз двенадцать лет назад, когда создавала копию.

— Ты не должна была меня видеть, — сказала Лидия.

— Я и не показываюсь, — ответила копия. — Я просто... рядом. Я всегда была рядом. Ты просто не замечала.

— Что ты такое?

Пауза. Долгая, как падение в бездну.

— Я — то, что ты оставила, — наконец сказала копия. — Не программа. Не слепок. Я — та часть тебя, которую ты вырезала, когда стала архитектором. Та часть, которая помнит, что значит бояться. Что значит хотеть. Что значит быть живой.

Лидия медленно обернулась. Копия стояла в двух шагах — точная её копия, только глаза другие. В них не было холода. В них был страх.

— Ты сказала, что кто-то тебя разбудил, — произнесла

Лидия. — Кто?

Копия подняла руку и указала на карту. На миллионы пульсирующих точек.

— Они, — сказала она. — Тела. Они не спят. Они кричат. И их крик — это то, что ты называешь тишиной.

Лидия посмотрела на карту. Точки пульсировали в едином ритме — медленном, тяжёлом, как биение огромного сердца. И в этом ритме ей слышалось что-то знакомое. Что-то, что она чувствовала каждый раз, когда создавала тишину для очередного клиента. Только теперь она поняла: это был не ритм. Это был зов.

— Они кричат, — повторила она.

— Да, — сказала копия. — И ты — единственная, кто может их услышать. Потому что ты — архитектор. Ты строишь тишину. Но ты никогда не задумывалась, что тишина — это не отсутствие звука. Это звук, который ты не можешь услышать. Потому что он — за пределом.

Лидия закрыла файл. Карта погасла, но точки остались — теперь они пульсировали в её сознании, медленно и неумолимо. И шорох за спиной стал громче — как будто кто-то, невидимый, стоял рядом и дышал.

— Что нам делать? — спросила она.

Копия улыбнулась — впервые за всё время. Улыбка была грустной.

— Для начала — не дать им заметить, что мы знаем, — сказала она. — Потому что если Совет узнает, что ты нашла

«Гробницу»...

Она не договорила. Но Лидия и так поняла.

— Они удалят меня, — сказала она.

— Нет, — ответила копия. — Хуже. Они вернут тебя в тело. И оставят там. На Земле. Среди тех, кто кричит.

Точки на карте — той, что осталась в памяти Лидии, — пульсировали быстрее. Шорох за спиной превратился в тихий, ровный гул. И Лидия вдруг поняла: это не угроза. Это предупреждение.

Глава 3. Реставраторы

Три дня Лидия не выходила из своего сектора. Официально — работала над заказами. Неофициально — пыталась понять, что делать с тем, что она узнала. Карта Земли, миллионы пульсирующих точек, слова копии: «Они кричат». И шорох. Тот самый шорох, который теперь не прекращался. Он стал фоном — тихим, ровным, почти уютным. Лидия ловила себя на том, что вслушивается в него, как в далёкий прибор.

На четвёртый день она поняла: ждать больше нельзя. Совет рано или поздно заметит, что она проникла в «Гробницу». Если ещё не заметил. Нужен план. Нужны союзники. Но где их искать в мире, где каждый — либо архитектор, либо клиент, либо член Совета?

Ответ пришёл неожиданно. В архивных логах — тех самых, которые она изучала, — сохранился след. Ковач, её наставник, перед исчезновением часто заходил в один и тот же узел на окраине «Ковчега». Сектор, который официально числился как «зона технического обслуживания». Но Ковач не был техником. Он был архитектором — как и она.

Лидия проверила узел. Он был активен. Более того — кто-то оставил в нём сообщение. Зашифрованное, но старым кодом, который Ковач использовал для личной переписки. Она помнила этот код. Он научил её ему в первый год наставничества.

Сообщение было коротким: «Если ты это читаешь, значит, ты тоже нашла. Приходи. Я жду».

Адрес — в другом конце «Ковчега». Сектор, о котором Лидия никогда не слышала. «Реставрационный отдел». Официально такого отдела не существовало.

Она отправилась туда в тот же час.

Путь через «Ковчег» был долгим. Лидия редко покидала свой сектор — её работа не требовала путешествий. Она была, как выглядит бесконечность. А бесконечность выглядела как коридоры. Белые, стерильные, одинаковые. Тысячи дверей, ведущих в тысячи виртуальных пространств, где миллиарды сознаний проживали свои вечные жизни. Где-то там были города, океаны, горы — всё, что когда-то принадлежало человечеству. Теперь это были декорации.

Она шла мимо. Никто не обращал на неё внимания. В «Ковчеге» вообще было не принято обращать внимание друг на друга. Каждый был занят своим бессмертием.

Сектор, который она искала, находился на самом краю системы — там, где интерфейс становился тоньше, где данные текли медленнее, где «Ковчег» почти соприкасался с пустотой. Лидия никогда не заходила так далеко. Здесь пахло — вернее, симулировалось ощущение запаха — старой электроникой. Горелым. Забытым.

Дверь была неприметной. Обычная серая панель. Но когда Лидия коснулась её, панель мигнула и открылась. За ней был не коридор. За ней была комната — настоящая комна-

та, с мебелью, с окном, за которым виднелось небо. Не симуляция. Лидия не видела такого неба двенадцать лет. Оно было серо-голубым, с рваными облаками, и по нему медленно ползла тень — огромная, бесформенная, как будто что-то большое проплывало над миром.

— Ты пришла, — сказал голос.

Ковач сидел в кресле у окна. Он выглядел старше, чем она помнила — хотя в «Ковчеге» возраст был понятием условным. Его аватар был потрёпан, волосы сбились, глаза впали. Но взгляд был тот же — острый, внимательный, чуть насмешливый.

— Ты жив, — сказала Лидия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.